И. П. РАСПОПОВ

СИСТЕМА ЯЗЫКА И ЕЕ УРОВНИ

1. Понимание языка как системы, т. е. осознание того, что язык представляет собой не простой набор разнородных элементов (слов, грамматических форм и т. д.), а своеобразное единство взаимосвязанных, взаимообусловленных и взаимодействующих частей и что его отдельные элементы должны рассматриваться в их отношении друг к другу и к тому целому, в состав которого они входят, является, по замечанию В. В. Виноградова, «одним из краеугольных камней, на которых зиждутся современные лингвистические теории»[1].

Такое понимание в настоящее время, по-видимому, общепринято. Однако по ряду вопросов, касающихся характеристики системы языка и принципов ее устройства и функционирования, мнения современных лингвистов далеко не единообразны.

Однозначного решения, в частности, не имеют: 1) вопрос об абсолютных (положительных) и релятивных (относительных) свойствах составляющих систему элементов; 2) вопрос о лингвистической стоимости той материальной субстанции, в которую облекаются языковые элементы в практике речевого общения; 3) вопрос о возможности и целесообразности изучения системы языка как замкнутой (закрытой) «в самой себе и для себя».

2. Согласно концепции датского лингвиста Л. Ельмслева, система языка есть чистая абстракция, целостная и замкнутая в себе структура (схема) отношений, зависимостей, или «функций». В языке решающую роль играют только сами эти отношения. Отдельные его элементы — это лишь точки или линии пересечения различных отношений, своеобразные

---

[1] Вопросы терминологии. М., 1961, с. 4.

«пучки функций». То, что они неодинаково реализуются в различных языках или в процессе исторического развития одного и того же языка как со стороны своего значения, так и по своему материальному воплощению, в конечном счете безразлично для языковой системы в целом. Поэтому изучение языка должно быть исключительно синхронным (точнее: не связанным никакими временными ограничениями) и может строиться только на внутренней функциональной основе.

«Лингвистическая теория,— увerждал Л. Ельмслев,— стремится к пониманию языка как имманентной, непротиворечивой и специфической структуры» [2].

3. В советском языкознании изложенная концепция Л. Ельмслева оценивается критически.

Хотя внутриструктурные отношения составляют, разумеется, весьма существенный аспект характеристики языка как системы, соответствующий подход к его научному изучению (когда, как у Л. Ельмслева, принимаются во внимание одни лишь внутриструктурные отношения) следует считать по меньшей мере недостаточным.

Прежде всего, вполне очевидно, что система языка не является замкнутой, а находится в тесном взаимодействии с окружающей действительностью. Это взаимодействие, обусловленное целевым назначением языка (его проекцией на действительность), несомненно, влияет на структурную организацию языковой системы, а также на «поведение» в рамках системы составляющих ее элементов.

Отдельные элементы языковой системы, вступая друг с другом в определенные отношения, вместе с тем — через сеть внутриязыковых отношений — так или иначе связываются с реальной действительностью и благодаря этому обнаруживают не только релятивные (проявляющиеся в их взаимоотношениях), но и абсолютные (положительные) свойства.

Соотношение тех и других у элементов, принадлежащих различным «участкам» системы, неодинаково: так, в слове на первый план выступает его семантическая направленность на какой-то «кусочек действительности», тогда как его релятивные свойства остаются как бы в тени; напротив, в грамматических (строевых) элементах проекция на действительность затемняется или даже целиком поглощается их релятивными свойствами.

Как бы то ни было, но взаимодействие языка с реаль-

[2] Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка.— В кн.: Новое в лингвистике. М., 1960, с. 279.

ной действительностью не может игнорироваться лингвистикой, в противном случае мы упустим из поля зрения то, ради чего язык вообще существует,— его предназначенность быть средством общения, средством обмена мыслями: ведь обмен мыслями касается именно реальной действительности, связан с коллективным познанием окружающего нас мира.

4. Особо стоит вопрос о системообразующей роли материальной субстанции, в которую облекаются языковые элементы в процессе функционирования языка в речевой деятельности.

Не подлежит, конечно, сомнению, что без материальной субстанции язык не способен выполнять своего назначения, что наличие материальной оболочки — обязательное условие использования отдельных его элементов, например, в качестве знаков каких-то предметов, признаков, явлений и т. д. действительности. Но речь в данном случае идет не об этом, а о том, зависят ли от характера материальной субстанции функциональные свойства языковых элементов и организация их в систему.

В советском языкознании по этому поводу высказаны две противоположные точки зрения.

Г. П. Мельников, утверждающий, что многие свойства языковой системы «нельзя понять без учета особенностей субстанции»[3], отвечает на поставленный вопрос положительно. Однако такой ответ остается по существу недоказанным.

Очевидно, вернее вторая точка зрения, согласно которой «характер «кусочка материи», т. е. его субстанциональная природа в принципе безразлична для использования этого «кусочка» в качестве языкового знака»[4]. Последнее во всяком случае подтверждается возможностью, так сказать, безболезненного перевода того или иного речевого произведения из «природной» звуковой материи (устная речь) в материю графическую (письменная речь), а также возможностью мысленного создания такого произведения (внутренняя речь).

Другое дело, что в интересах практического овладения языком необходимо не только иметь общее представление о его системной организации, но и знать «конкретные способы

---

[3] Общее языкознание. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников филологических факультетов университетов. М., 1972, с. 36.

[4] Солнцев В. М. Знаковость языка и марксистско-ленинская теория познания.— В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970, с. 214.

согласования структуры с субстанцией»[5], правила, «соотносящие систему языковых единиц с реальными языковыми событиями»[6]. Поскольку же «природной» материальной субстанцией, в которой изначально выступает язык в процессе речевой деятельности, служит звуковая субстанция, то в соответствующих целях система этого языка должна изучаться именно в ее звуковой оболочке, рассматриваемой, однако, в определенным образом обработанном (опосредствованном коллективным сознанием) виде.

5. Система языка является многослойной и разнохарактерной (гетерогенной) как по качеству и составу входящих в нее элементов, так и по их взаимоотношениям друг с другом. Это не просто система, а в некотором смысле система систем.

Рассмотрение языка как системы систем предусмотрено уже в традиционной модели его описания, распределяемого по разделам: фонетика, грамматика (морфология и синтаксис) и лексикология.

В современной лингвистике к вычленению в системе языка отдельных частных ее сфер (подсистем) подходят на основе так называемого стратификационного принципа.

Согласно этому принципу, языковая система складывается из подсистем, которые как бы наслаиваются друг на друга, располагаясь одна над другой в строго регламентированном порядке. Отдельные подсистемы выделяются, следовательно, по вертикали и представляют собой разные уровни иерархии (соподчинения) системно организованных лингвистических единиц. При этом считается необходимым: 1) чтобы единицы каждого данного уровня обладали некоторым общим для них специфическим качеством (отличающим их от единиц другого уровня); 2) чтобы единицы более высокого уровня могли быть построены из единиц более низкого уровня (но не путем их простого сложения, а путем такой интеграции, благодаря которой и получается качественно новая единица); 3) чтобы единицы каждого уровня могли быть выявлены в любом осмысленном тексте.

6. Выявление самих лингвистических единиц осуществляется посредством сегментации речевого потока и применения к выделенным сегментам различных видов абстрагирования (прежде всего абстракции отождествления).

---

[5] Общее языкознание (внутренняя структура языка). М., 1972, с. 30.

[6] Иванов В. В. Лингвистика как теория отношений между языковыми системами и ее современные практические приложения.— В кн.: Лингвистические исследования по машинному переводу, вып. 2. М., 1961, с. 14.

Минимальным речевым сегментом является звук, или **ф о н**,— соответственно минимальной лингвистической единицей системы языка оказывается **ф о н е м а**, которую можно определить как **к л а с с ф о н о в с т о ж д е с т в е н н ы м и с м ы с л о р а з л и ч и т е л ь н ы м и ф у н к ц и я м и** (так, одну фонему представляют, например, фоны a_1 и a_2 в словах *вал — в'ал* или фоны o_1 и o_2 в словах *вол — в'ол* и т. д.).

На следующем этапе сегментации речевого потока выделяются **м о р ф ы**. Морфы — это наименьшие речевые единицы, обладающие значением (тогда как фоны сами по себе значением не обладают, а лишь участвуют — в определенном сочетании с другими фонами — в выражении и дифференциации значений). Применяя к морфам абстракцию отождествления, мы получим соответствующие им лингвистические единицы системы языка — **м о р ф е м ы**. Морфему можно определить как **к л а с с м о р ф о в с т о ж д е с т в е н н ы м и л е к с и ч е с к и м и и л и г р а м м а т и ч е с к и м и з н а ч е н и я м и** (так, одну морфему представляют, например, корневые морфы *рук-, руч-* в словах *рука — ручка* или флективные морфы *-ой, -ей, -ом, -ем* в словах *стеной — волей — веслом — полем* и т. п.).

Выделение в речевом потоке фонов и морфов требует использования специальных исследовательских процедур (носителями языка оно во многих случаях не осуществляется и не осознается). Иначе в этом отношении обстоит дело с речевыми единицами следующего, более высокого ранга, в качестве которых выступают **с л о в о ф о р м ы**. Словоформы характеризуются известной автономностью и относительно свободной выделимостью в потоке речи. Однако, с другой стороны, это сложные, комплексные единицы, «перевод» которых в статус единиц языковой системы вызывает определенные трудности.

В словоформах совмещается и интегрируется несколько разнородных значений, складывающихся, в частности, из значений входящих в их состав лексических (корневых), деривационных (словообразовательных) и реляционных (грамматических) морфем. Поэтому они должны рассматриваться и подвергаться «обработке» абстрагированием с различных точек зрения, в разных аспектах.

Наиболее существенным, придающим ряду словоформ некую самостоятельную ценность качеством является их номинативная функция. Словоформы, имеющие одинаковую номинативную функцию, представляют собой **с л о в о**, или **л е к-**

семý (таковы, например, словоформы *дом — дома — дому — домом* и т. д. или словоформы *учу — учишь — учит — учим* и т. п.). Номинативная функция слова либо непосредственно вытекает из значения его корневой морфемы, либо интегрируется из значений корневой и деривационной морфем (ср., например: *учить — учитель, сапог — сапожник* и т. п.). На этом основании слово можно определить как класс словоформ с тождественными корневыми и деривационными морфемами.

В свою очередь, применение к различным словоформам и словам абстракции отождествления по линии реляционных и — особо — деривационных морфем дает нам такие вспомогательные (строевые) лингвистические единицы, как грамматическая форма и словообразовательный тип. Грамматическая форма есть класс словоформ с тождественными реляционными морфемами (таковы, например, словоформы *домом — столом — городом — полем — окном — стеной — партой — учителем — грузчиком* и т. д., представляющие грамматическую форму творительного падежа). Словообразовательный тип есть класс слов с тождественными деривационными морфемами (такой класс представляют, например, слова *писатель — учитель — читатель — водитель — носитель* и т. п. или, с другой стороны, слова *колка — рубка — плавка — сборка — сварка* и т. п.).

Естественным завершением сегментации речевого потока (или началом его сегментации — это зависит от принятого направления) является выделение в нем относительно самостоятельных коммуникативных единиц — высказываний, или фраз.

Фраза — речевая единица высшего ранга. В конечном счете все средства языка направлены на то, чтобы с их помощью можно было создавать фразы. Непосредственным материалом, из которого складываются фразы, служат словоформы. Но фраза не является простым набором словоформ: она объединяет их в одно структурно-семантическое целое, наделенное особым качеством, которым словоформы сами по себе не обладают,— способностью выражать целенаправленное и актуально согласованное с определенными задачами коммуникации (иначе говоря, коммуникативно значимое) сообщение.

Будучи комплексными речевыми единицами, фразы требуют по отношению к себе разноаспектного подхода. Они мо-

гут рассматриваться с точки зрения состава и соотношения (взаимосвязей) входящих в них конкретных словоформ. В этом плане такие, например, высказывания, как *Девочка читает книгу* и *Мальчик пишет письмо,* представляют собой различные конкретные фразы. Рассматривая те же фразы с точки зрения состава и соотношения входящих в них грамматических форм (в отвлечении от их конкретного лексического содержания), мы получаем право отождествления этих фраз, поскольку состав грамматических форм у них один и тот же (учитываются только грамматические формы, релевантные в плане фразообразования).

Класс фраз с тождественным составом грамматических форм представляет собой синтаксическую конструкцию[7].

Одна и та же синтаксическая конструкция может быть представлена фразами с различным коммуникативным назначением. Поэтому, обобщая фразы в синтаксические конструкции, необходимо, кроме того, специально рассмотреть их в аспекте коммуникативного назначения.

Класс синтаксических конструкций, объединяющий фразы с тождественным коммуникативным назначением, представляет собой предложение.

Тождество коммуникативного назначения является обязательным условием сведения отдельных фраз в предложения. При нарушении этого условия мы не имеем права считать одним и тем же предложением фразы, однотипные не только в конструктивном плане, но и по составу входящих в них конкретных словоформ. Так, фразы *Девочка читает книгу* и *Девочка читает книгу?* являются различными предложениями, поскольку они различаются по цели выражаемого сообщения (декларативное утверждение и вопрос). Точно так же различными предложениями являются фразы *Девочка читает книгу* и *Книгу читает девочка* (они различаются по

[7] Возможен и иной способ сведения фраз к синтаксическим конструкциям, учитывающий особенности их так называемой позиционной структуры, т. е. того, в каком иерархическом порядке связываются друг с другом и какие содержательные функции относительно друг друга получают составляющие фразу компоненты. Синтаксическая конструкция как класс фраз с тождественной позиционной структурой может совпадать с синтаксической конструкцией в изложенном здесь понимании (ср. приведенные примеры фраз, тождественных в обоих отношениях), но может и не совпадать (ср., например, фразы *Он занимался усердно* и *Он занимался с усердием,* различающиеся по составу грамматических форм, но тождественные по своей позиционной структуре).

коммуникативной перспективе сообщения). Одно и то же предложение могут представлять только такие фразы, которые характеризуются: 1) определенным конструктивным тождеством, 2) одинаковым целевым назначением выражаемого ими сообщения, 3) одинаковым его модальным качеством (ср., например, различающиеся в этом отношении фразы: *Девочка читает книгу* и *Читала бы девочка книгу*) и 4) одинаковой коммуникативной перспективой, в которой развертывается сообщение.

Следовательно, в соответствующем понимании предложение «ближе» к фразе, нежели синтаксическая конструкция. Однако они не сливаются полностью: если фраза содержит в себе целенаправленное и актуально согласованное с определенными задачами коммуникации конкретное сообщение, то в предложении «удерживаются» лишь специфические (отмеченные выше) свойства сообщения в отвлечении от его конкретного содержания. Но именно указанное обстоятельство и служит основанием для их разграничения как соотносящихся друг с другом единиц речи и языка.

7. Учитывая изложенные выше (см. пункт 5) требования, которым должны отвечать лингвистические единицы разных уровней системы языка, таковыми, очевидно, следует признать ф о н е м ы, м о р ф е м ы, с л о в а и п р е д л о ж е н и я.

Перечисленные единицы в полной мере отвечают всем указанным требованиям:

1) каждая из них наделена особым качеством, тогда как в количественном отношении они могут совпадать (известно, например, что отдельная морфема может быть представлена одной фонемой, отдельное слово — одной морфемой и отдельное предложение — одним словом) [8];

2) названные единицы действительно располагаются на разных уровнях системы в строго регламентированном порядке, предусматривающем интегрирование одних из других (морфем из фонем, слов из морфем и предложений из слов) [9];

3) каждая из этих единиц с необходимостью участвует в построении любого осмысленного текста (любой осмысленный текст, представляющий собой по меньшей мере предло-

---

[8] Следует, однако, иметь в виду, что такое представительство необходимо связано с конкретизацией рассматриваемых единиц, т. е. с «обратным переводом» их в план речи: в действительности одной фонемой представляется не морфема, а морф, одной морфемой — не слово, а словоформа и одним словом (точнее, словоформой) — не предложение, а фраза.

[9] При этом опять-таки имеется в виду условие конкретизации соответствующих единиц в речи.

жение, естественно, включает и слова, и морфемы, и фонемы).

Таким образом, соответственно названным лингвистическим единицам основными уровнями системы языка являются:

1) уровень фонем, или фонологический уровень,
2) уровень морфем, или морфологический уровень,
3) уровень слов, или лексический уровень,
4) уровень предложений, или коммуникативно-синтаксический уровень.

Кроме того, принимая во внимание участие единиц одного уровня в построении (интегрировании) единиц другого уровня, можно выделить ряд промежуточных уровней. Это:

а) морфонологический уровень, на котором рассматриваются морфемы с точки зрения их фонемного состава[10];

б) лексико-морфологический уровень, на котором рассматриваются слова с точки зрения их морфемного состава (отдельные частные сферы этого уровня представляют словообразование и формообразование);

в) конструктивно-синтаксический уровень, на котором рассматриваются предложения с точки зрения их формально-грамматического состава (или с точки зрения их позиционной структуры).

Как раз на этих промежуточных уровнях и выступают остальные выявленные нами единицы: грамматическая форма, словообразовательный тип и синтаксическая конструкция, которые играют вспомогательную, строевую роль в отношении основных (базовых) лингвистических единиц.

8. Некоторые лингвисты в качестве особых уровней языковой системы выделяют также уровень словосочетаний и уровень сложных предложений. Однако, если исходить из стратификационного принципа, для выделения подобных уровней нет достаточных оснований.

При известных расхождениях в трактовке словосочетаний, понимаемых либо в широком смысле (как любые сочетания слов независимо от того, образуют ли они самостоятельные предложения или только отдельные их конструктивные части), либо в узком смысле (как сложные наименова-

---

[10] Особой единицей этого промежуточного уровня считается морфонема — некоторое единство, составленное из чередующихся в пределах морфемы фонем (как, например, К/Ч в корневой морфеме слов *рука* — *ручка*).

ния), вполне очевидно, что никакими специфическими свойствами словосочетания сами по себе не обладают: их отличие от слов (с одной стороны) и от предложений (с другой стороны) носит лишь количественный (объемный) характер, тогда как в качественном отношении они по существу отождествляются с соответствующими «уровневыми» единицами и именно от них «заимствуют» определенные содержательные функции (номинативную или коммуникативную).

Что касается сложных предложений, то они могут представлять собой либо конструктивные варианты простых предложений (таковы, например, сложноподчиненные предложения так называемого нерасчлененного типа), либо более или менее развернутые комплексы, составленные из простых предложений (таковы сложносочиненные предложения, а также сложноподчиненные предложения расчлененного типа). В первом случае имеет место функциональное тождество сложных и простых предложений (при их различии опять-таки лишь в количественном, а не в качественном отношении), во втором случае — только сложение, а вовсе не интеграция простых предложений (при этом перед нами выступают те же простые предложения плюс связь между ними).

Таким образом, для признания как словосочетаний, так и сложных предложений единицами особых уровней языковой системы, тем и другим явно недостает ни своих специфических функций, ни качественной определенности (не говоря уже о том, что они не отвечают требованию, согласно которому «уровневые» единицы должны участвовать в построении любого осмысленного текста).

Все это, разумеется, отнюдь не означает, что словосочетания и сложные предложения не заслуживают специального внимания и изучения. Напротив, их изучение важно и необходимо, поскольку важно и необходимо знать не только специфические свойства отдельных единиц языка, но также способы и средства их соединения друг с другом в связной речи.
